

ФИНАНСОВАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Белов

С начала 2000-х годов одной из наиболее ярких тенденций в межбюджетных отношениях России стали повышение доходов и расширение трансфертов федерального бюджета. Поступления на национальный уровень бюджетной системы в отношении к ВВП увеличились с 15,5% в 2000 г. до 23,7% в 2006 г., а трансферты региональным бюджетам и внебюджетным фондам – с 1,4 до 5,8% соответственно. Причины такого явления вполне понятны. Повышение доходов легко связать с увеличением ресурсного экспорта, а расширение вертикальных бюджетных потоков нетрудно объяснить изменениями в межбюджетных отношениях, монетизацией льгот, финансированием социальных программ. В то же время передача на субнациональный уровень немалой доли «сырьевой ренты» и последствия этого для экономического роста пока не изучены ни с теоретической, ни с эмпирической точки зрения. Именно поэтому в данной статье предпринята попытка установить взаимосвязь происходящей централизации доходов и децентрализации расходов с экономическим ростом в российских регионах. Такое исследование представляется особенно актуальным в связи с запланированными на 2008–2010 гг. реформами бюджетной системы Российской Федерации.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Проблему финансовой децентрализации можно считать одной из самых дискуссионных в теории многоуровневых бюджетных систем (бюджетного федерализма). Несмотря на огромное количество публи-

каций по этой проблеме, до сих пор не выработано даже единого представления о децентрализации и единого подхода к методам ее наблюдения, не говоря уже об оценке макроэкономических эффектов, институциональных условий и других характеристик этого многогранного явления. С учетом сложности предмета исследования ограничимся лишь одной составляющей децентрализации, а именно, соотношением доходов и расходов бюджетов национального и субнационального уровней.

Статистические данные о децентрализации в таком понимании показывают, что в развивающихся странах с начала 1970-х до начала 2000-х годов с учетом очевидного провала на рубеже 1980-х годов и последующего восстановления средняя доля субнациональных бюджетов в доходах расширенных правительств сократилась с 10,68 до 10,61%, а в расходах – с 13,42 до 12,97%. В зоне ОЭСР небольшое повышение доходов субнационального уровня (с 17,91 до 18,39%) было перекрыто централизацией расходов (с 33,68 до 32,68%). Заметное усиление финансовых позиций субнациональных органов отмечалось лишь в 1990-х годах в странах с переходной экономикой, где к концу периода региональные и местные бюджеты получали 22,41% доходов и производили 30,32% суммарных расходов. Однако и в этой группе государств в 2000-х годах децентрализация замедлилась или практически остановилась [1].

Вероятно, подобную динамику можно объяснить тем, что в пост-бреттонвудской системе координат обязательным элементом политики развития считались централизованные национальные программы. В теоретических рамках «вашингтонского консенсуса» неотъемлемой частью модернизации экономики и общественной трансформации, напротив, стала децентрализация. Изменение вектора политических и экономических предпочтений привело к снижению ее значимости, а затем и к циклической смене тенденций в финансовых отношениях уровней власти.

В теории финансовой децентрализации исследование макроэкономических эффектов этого явления, как правило, связано с сопоставлением положительных и отрицательных сторон. Плюсы децентрализации заключаются в возможности повышения эффективности производства и потребления общественных благ, а также расширения доходной базы бюджетного сектора. Минусы традиционно связываются с сущест-

вованием внешних эффектов, которые снижают заинтересованность местных властей в решении проблем за пределами их юрисдикции.

Перечисленные положительные и отрицательные аспекты проявляются лишь в особой институциональной среде, свойственной странам с достаточно высоким уровнем экономического развития. Отсутствие этой важнейшей предпосылки не позволяет реализовать преимущества децентрализации [2]. Более того, в странах с переходной экономикой и развивающихся децентрализация часто выступает как элемент политики национального строительства и вообще не предполагает получения немедленных экономических результатов. Кроме того, значительно расширяется перечень ее негативных последствий и рисков, таких как трудности для центрального правительства в поддержании макроэкономической стабильности [3, 4], углубление территориального неравенства [5], снижение эффективности бюджетной политики из-за слабости институциональной базы местных органов власти [6] и др.

Введение в анализ институциональной составляющей делает чрезвычайно трудным количественное сопоставление положительных и отрицательных сторон децентрализации. Для решения этой задачи в ряде работ выдвигаются гипотезы о более сложном – эволюционном, нелинейном, опосредованном – характере ее взаимосвязи с развитием экономики [6]. Однако ни одна из этих гипотез пока не получила надежного статистического подтверждения.

Эмпирические исследования давали и дают неоднозначную картину влияния децентрализации на экономическое развитие. Межстрановые сопоставления за период 1970–1980 гг. для развивающихся стран показали отрицательную корреляцию децентрализации и темпов роста, а для развитых государств не позволили сделать никаких надежных выводов [7]. Экономическая динамика в США на протяжении 50 послевоенных лет не зависела от децентрализации [8], но в начале 1990-х годов оказалась положительно связана с ней [9]. В Китае же с конца 1970-х до начала 1990-х годов корреляция носила отрицательный характер [10], хотя учет циклических колебаний приводил к противоположным выводам [11]. В России недостаток реальных бюджетных полномочий на субнациональных уровнях власти считался одним из факторов глубокого экономического спада 1990-х годов [12], что говорило о позитивном эффекте децентрализации. Тем не менее однозначный ответ о желательной для России роли региональных

бюджетов и о макроэкономических последствиях выбора той или иной политики так и не был получен [13]. Несмотря на большое количество исследований, проведенных в 2000-х годах, сказанное справедливо и для настоящего времени.

Краткий обзор материалов по финансовой децентрализации больше ставит вопросов, чем дает ответов. И все же внимательный анализ литературы выявляет несколько методологических принципов, которые позволяют если не устранить, то обойти перечисленные трудности. Прежде всего, предметом исследования должны быть объекты, сравнимые с исторической, культурной и институциональной точкой зрения, например регионы одной страны. Возможности межстрановых сопоставлений весьма ограничены, они могут применяться лишь на основе тщательного отбора [9]. Далее, исследуемый период должен иметь единый тренд развития, поскольку роли национального и субнациональных правительств существенно различаются в период кризиса, депрессии и экономического роста [10]. И наконец, метод исследования должен опираться на количественные показатели децентрализации, поскольку использование ее качественных характеристик многократно усложняет задачу и снижает надежность получаемых выводов (см., например, [14]). Представляется, что состоятельную эконометрическую модель для оценки связи финансовой децентрализации и экономического роста в Российской Федерации необходимо строить именно на основе перечисленных предпосылок.

ВЗАИМОСВЯЗЬ БЮДЖЕТНОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Межбюджетные отношения в Российской Федерации прошли достаточно продолжительный путь развития – от хаотичной децентрализации в начале 1990-х годов до регламентированной концентрации во второй половине 2000-х. Современное состояние этой области общественных финансов характеризуется централизацией доходов, усилением территориальной неравномерности в их распределении и расширением финансовой помощи субнациональным органам власти. Так, например, доля федерального уровня в доходах консолидированного бюджета без учета финансовой помощи, составлявшая 59%

в 1990 г., сократилась до 46% в 1998 г. [13], а затем начала быстро увеличиваться – до 54% в 2000 г. и 66% в 2005 г.

По данным официальной статистики России, наибольшая часть федеральных доходов, равная 43,8% в 1998 г. и 56,5% в 2005 г., поступала с территории Москвы и Тюменской области (включая автономные округа). Удельный вес финансовой помощи и межбюджетных трансфертов в расходах федерального бюджета вырос с 9,5% в 1998 г. до 35% в 2006 г. [13]. Эти цифры говорят о том, что значительная часть доходов собирается в одних, а используется в других регионах России. Следовательно, данные о поступлении доходов непригодны для анализа макроэкономических эффектов децентрализации в территориальном разрезе. Поэтому в дальнейших расчетах применены показатели не доходной, а расходной деятельности субнациональных бюджетов, причем без Москвы и Тюмени. Кроме того, исключены Чеченская Республика из-за недостатка достоверной информации и Чукотский автономный округ, в котором по ряду неэкономических причин происходили значительные колебания бюджетных расходов. Данные по другим национальным округам включены в состав данных по соответствующим краям и областям.

Временной горизонт исследования охватывает начальный период экономического роста – 2000–2005 гг., хотя положительная динамика роста валового регионального продукта во многих субъектах Федерации была зафиксирована уже в 1999 г. Однако первый год послекризисного восстановления сопровождался серьезными структурными переменами, которые желательно исключить из статистического анализа.

С учетом перечисленных ограничений, а также на основе рекомендаций проанализированной научной литературы построена регрессионная модель для оценки взаимосвязи бюджетной децентрализации и темпов экономического роста. Зависимой переменной является индекс ВРП в субъектах Федерации. Независимые переменные включают в себя

- показатели бюджетной децентрализации (вводятся последовательно): «расх. бюдж.» – отношение расходов бюджетов субъектов Федерации на душу населения к душевым расходам федерального бюджета, %; «расх. внебюдж.» – отношение расходов территориальных отделений государственных внебюджетных

фондов на душу населения к общим душевым расходам соответствующих фондов, %; «расх. конс.» – отношение расходов «расширенных» (консолидированные бюджеты плюс внебюджетные фонды) бюджетов субъектов Федерации на душу населения к душевым расходам консолидированного бюджета России, %;

- обязательные переменные (присутствуют постоянно): инвестиции – индекс физического объема инвестиций в основной капитал; труд – изменение среднегодовой численности занятых в экономике, % к предыдущему году;
- контрольные переменные (используются для проверки надежности полученных результатов): доля добычи полезных ископаемых в объеме производства, %; отношение оборота внешней торговли к ВРП, %; индекс потребительских цен.

В процессе эконометрического моделирования нас интересуют не столько точные величины коэффициентов зависимых переменных, сколько их знак и статистическая значимость. Следовательно, имеет смысл не добиваться улучшения характеристик модели, а применить несколько различных методов ее анализа. Именно поэтому оценка регрессии проведена для объединенных данных за 2000–2005 гг. (два трехлетних периода – 2000–2002 и 2003–2005 гг.), а также для панельных данных за шесть лет с использованием стандартных моделей с фиксированными, промежуточными и случайными эффектами.

Главный вывод, сделанный по результатам статистического анализа, состоит в том, что все три использованных показателя бюджетной децентрализации оказались отрицательно связаны с темпами роста ВРП. Соответствующие коэффициенты регрессии устойчиво сохраняли отрицательный знак и высокий уровень статистической значимости независимо от метода оценки, введения контрольных переменных и изменения периода исследования (табл. 1). Результаты проверки с контрольными переменными и трехлетними периодами наблюдения не приводятся.

Устойчивая отрицательная связь бюджетной децентрализации и темпов регионального развития – достаточно редкое, хотя и не уникальное экономическое явление. Близкие результаты с использованием аналогичных показателей были получены в Китае за период 1980–1992 гг. [10]. Тогда это оказалось весьма неожиданным в свете

Таблица 1

**Регрессия темпов роста и децентрализации расходов за 2000–2005 гг.
(зависимая переменная – индекс ВРП)**

Показатель	Объединенные данные, обычная регрессия			Панельные данные, переменные 3, 4, 5		
	Переменные 1, 4, 5	Переменные 2, 4, 5	Переменные 3, 4, 5	Регрессия с промежут. эффектами	Регрессия с фиксир. эффектами	Регрессия со случайн. эффектами
1. Расх. бюдж.	*-0,136 [-3,96]					
2. Расх. вне-бюдж.		*-0,103 [-2,95]				
3. Расх. конс.			*-0,155 [-4,51]	*-2,212 [-3,33]	-2,133 [-0,85]	*-2,469 [-3,86]
4. Инвест.	*0,657 [19,07]	*0,652 [18,82]	*0,654 [19,09]	*0,043 [2,83]	*0,085 [19,87]	*0,081 [19,81]
5. Труд	*0,127 [3,69]	*0,117 [3,34]	*0,121 [3,53]	*0,645 [2,60]	**0,270 [2,36]	*0,341 [3,25]
Константа	*59,528 [5,67]	*64,097 [5,92]	*62,299 [5,94]	*38,488 [1,53]	*71,159 [6,09]	*64,781 [6,12]
Скорректир. R^2	0,462	0,454	0,467	0,410	0,466	0,468
Число наблюдений	456	456	456	76	76×6	76×6
F-статистика	131,10	126,87	133,88	8,81	137,26	
Сред. ошибка	4,441	4,475	4,419			

Примечание: * – статистическая значимость на уровне 0,01; ** – статистическая значимость на уровне 0,05. В квадратных скобках даны значения *t*-статистики, для регрессии со случайными эффектами – *z*-статистики.

Объединенные данные – это наблюдения за 76 регионами в течение 6 лет, когда каждое наблюдение считается независимым. Панельные данные – те же наблюдения, но специальные типы регрессии позволяют учесть зависимость результатов одного года от результатов другого. Регрессия с промежуточными эффектами использует средние значения переменных за период 2000–2005 гг. Регрессия с фиксированными эффектами определяет специфический для каждого региона, но единый для всего 6-летнего периода показатель в виде регрессионной константы (в таблице не приводится). Регрессия со случайными эффектами включает аналогичный показатель в состав необъясняемых остатков.

господствовавших представлений о безусловном положительном влиянии децентрализации. Однако результаты исследования получили вполне логичное объяснение. Дело в том, что с учетом стадии экономического развития, на которой Китай находился в те годы, национальное правительство по сравнению с руководством провинций имело лучшие возможности для осуществления эффективных инвестиционных проектов. Централизованные бюджетные ассигнования на цели развития в Китае оказывали положительное влияние на экономический рост, а региональные капиталовложения – отрицательное. Применимы ли эти выводы по отношению к России? Для ответа на поставленный вопрос необходимо определить характер взаимосвязи между структурой расходов федерального и региональных бюджетов и темпами территориального экономического развития.

СТРУКТУРА БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ И ТЕМПЫ РОСТА

При сложившемся в России распределении расходных полномочий федеральному бюджету отводится основная роль в финансировании общегосударственных расходов (66% соответствующих расходов консолидированного бюджета России в 2005 г.), обслуживании долговых обязательств (87%), а также обеспечении обороны (100%), безопасности и правоохранительной деятельности (77%). Консолидированные бюджеты субъектов Федерации осуществляют 68% общих затрат на национальную экономику, 99% – на ЖКХ, 76% – на социально-культурные мероприятия. Целью нашего исследования является анализ расходов, непосредственно стимулирующих экономический рост. С учетом этого в модель введены следующие обязательные переменные: «фед. расх. экон.» – доля расходов на экономику (топливо и энергетику, сельское хозяйство и рыболовство, транспорт, связь и информатику, прикладные экономические исследования и др.) в федеральном бюджете, %; «рег. расх. экон.» – доля расходов на экономику в консолидированном бюджете субъекта Федерации, %.

В качестве показателя децентрализации использовано лишь соотношение бюджетных расходов (переменная «расх. бюдж.»), поскольку данные о функциональной структуре ассигнований внебюджетных фондов отсутствуют. Кроме того, совместное исследование бюджет-

ной деятельности и темпов роста указывает на необходимость учесть экономическое влияние налоговых и неналоговых изъятий. Сделать это позволяют показатели соотношения доходов соответствующих бюджетов и валового выпуска: «фед. дох.» – отношение доходов федерального бюджета к ВВП, %; «рег. дох.» – то же для поступлений консолидированных бюджетов субъектов Федерации к ВРП, %. Перечень контрольных переменных дополнен долями расходов на социально-культурные мероприятия, оборону, безопасность и охрану правопорядка в федеральном бюджете, а также расходов на социально-культурные мероприятия и ЖКХ в консолидированных бюджетах субъектов Федерации.

Оценка модели проведена по описанной выше методике (табл. 2). Итоги проверки с контрольными переменными не приводятся.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что показатель децентрализации устойчиво сохраняет отрицательный знак и достаточно высокую статистическую значимость. А вот расходы по статье «национальная экономика» оказывают на рост ВРП различное влияние в зависимости от уровня бюджетов (независимые переменные «фед. расх. экон.» и «рег. расх. экон.»). Эффект бюджетных ассигнований федерального уровня является отрицательным, а регионального – положительным. Напомним, что в Китае наблюдалась прямо противоположная картина, что позволяло сформулировать однозначный вывод в области экономической политики: для повышения темпов роста было желательно сократить провинциальные и увеличить национальные бюджетные вложения.

Ситуация в России выглядит значительно сложнее. С одной стороны, очевидна необходимость ведущей роли центра в создании и модернизации общенациональной транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры. С другой стороны, в первой половине 2000-х годов после затянувшегося бюджетного кризиса федеральное правительство было ориентировано скорее на погашение накопленной внешней и внутренней «социальной», «оборонной», «научной» и т.п. задолженности, чем на реализацию проектов, дающих немедленный экономический результат. По-видимому, в краткосрочном и среднесрочном планах роль главных стимуляторов развития перешла к региональным властям. Следовательно, простая концентрация доходной и расходной деятельности на федеральном уровне, несмотря на уста-

Таблица 2

**Регрессия темпов роста и структуры бюджетных расходов за 2000–2005 гг.
(зависимая переменная – индекс ВРП)**

Показатель	Объединенные данные, обычная регрессия	Панельные данные		
		Регрессия с промежут. эффектами	Регрессия с фиксир. эффектами	Регрессия со случайн. эффектами
Расх. бюдж.	*-0,130 [-3,71]	*-1,624 [-2,77]	-1,154 [-0,66]	*-1,705 [-3,15]
Фед. расх. экон.	*-0,185 [-5,15]	Нет Вариации	*-0,879 [-5,16]	*-0,897 [-5,35]
Рег. расх. экон.	*0,133 [3,82]	**0,111 [1,99]	**0,120 [2,59]	*0,124 [3,54]
Фед. дох.	** -0,092 [-2,58]	Нет Вариации	** -21,512 [-2,53]	* -22,154 [-2,72]
Рег. дох.	-0,047 [-1,30]	-5,414 [-0,57]	0,594 [0,06]	-4,755 [-0,90]
Инвестиции	*0,623 [18,67]	*0,047 [2,89]	*0,081 [19,3]	*0,078 [19,54]
Труд	*0,097 [2,90]	**0,579 [2,30]	0,176 [1,57]	**0,260 [2,55]
Константа	*78,968 [7,51]	*43,114 [1,70]	*88,82 [7,69]	*82,12 [7,82]
Скорректир. R^2	0,511	0,418	0,512	0,519
Число наблюдений	456	76	76×6	76×6
F-статистика	66,99	5,91	71,77	
Сред. ошибка	4,24			

Примечание: * – статистическая значимость на уровне 0,01; ** – статистическая значимость на уровне 0,05. В квадратных скобках даны значения t -статистики, для регрессии со случайными эффектами – z -статистики.

новленный отрицательный эффект децентрализации, могла негативно сказаться на росте экономик российских территорий. Возникло явное противоречие между потребностями в централизации и текущей неэффективностью федеральных расходов по экономическим статьям.

Итоги проведенного статистического анализа не позволяют дать какие-либо однозначные практические рекомендации. И все же вывод об одновременном существовании негативных эффектов от децентрализации и позитивных – от расширения региональных экономических затрат представляется слишком важным, чтобы не учитывать его при рассмотрении перспектив бюджетной политики. В самом общем виде решение указанной проблемы, вероятно, могло бы заключаться в передаче на субнациональный уровень средств для расширения тех расходов, которые в рамках рассмотренной модели имеют четко выраженный стимулирующий характер, т.е. региональных ассигнований на национальную экономику или инвестиций за счет региональных бюджетных источников.

* * *

Анализ статистических данных за 2000–2005 гг. показывает отрицательную связь децентрализации бюджетных расходов и динамики ВРП в большинстве субъектов Российской Федерации. Это подтверждает ряд положений теории общественных финансов, указывающих на зависимость макроэкономических эффектов децентрализации от уровня, этапа и особенностей экономического развития страны. В начале 2000-х годов Россия вступила в период быстрого и неравномерного роста, когда особое значение приобрела перераспределительная и инвестиционная деятельность центрального правительства. Усилия федеральных властей оказались направленными на национально значимые, но не обеспечивающие немедленного экономического результата проекты. Соответственно позитивное влияние на скорость территориального развития начали оказывать не централизованные, а региональные бюджетные инвестиции. Перед разработчиками экономической политики встала задача совместить выгоды финансовой централизации и потери от меньшей эффективности некоторых статей бюджетных расходов на национальном уровне. Эконометрические

оценки показывают, что одним из вариантов стратегии межбюджетных отношений, способствующей максимизации темпов экономического роста, является расширение целевой передачи регионам федеральных ресурсов для финансирования территориальных инвестиционных программ. Данный вывод можно существенно углубить, применив более тонкие методы статистического анализа, уточнив перечень показателей децентрализации, расширив круг исследуемых факторов экономического роста. Тем не менее, вероятнее всего, это не отменит заключения об устойчивой взаимосвязи темпов экономического развития и распределения расходных полномочий между уровнями бюджетной системы. По-видимому, полученный результат может представлять определенный интерес и послужить приглашением к более широкой и обстоятельной научной дискуссии.

Литература

1. **Bahl R., Wallace S.** Public financing in developing and transition countries // *Public Budgeting & Finance*. – 2005. – V. 25. – No. 4S.
2. **Bahl R., Linn J.F.** Urban public finance in developing countries. – N.Y.: Oxford University Press, 1992.
3. **Prud'homme R.** The dangers of decentralization // *World Bank Research Observer*. – 1995. – No. 10.
4. **DeMello L.** Fiscal decentralization and intergovernmental fiscal relations: A cross-country analysis // *World Development*. – 2000. – No. 2.
5. **Thiessen U.** Fiscal decentralization and economic growth in high income OECD countries // *Fiscal Studies*. – 2003. – V. 24, No. 3.
6. **Treisman D.** Fiscal decentralization, governance, and economic performance: A reconsideration // *Economics and Politics*. – 2006. – V. 18, No. 2.
7. **Davoodi H., Zou H.** Fiscal decentralization and economic growth: A cross-country study // *Journal of Urban Economics*. – 1998. – No. 43(2).
8. **Xie D., Zou H., Davoodi H.** Fiscal decentralization and economic growth in the United States // *Journal of Urban Economics*. – 1999. – No. 45.
9. **Akai N., Sakata M.** Fiscal decentralization contributes to economic growth: Evidence from state-level cross-section data for the United States // *Journal of Urban Economics*. – 2002. – No. 52.
10. **Zhang T., Zou H.** Fiscal decentralization, public spending, and economic growth in China // *Journal of Public Economics*. – 1998. – No. 67.
11. **Lin J., Liu Z.** Fiscal decentralization and economic growth in China // *Economic Development and Cultural Change*. – 2000. – V. 49.

12. **Blanchard O., Shleifer A.** Federalism with and without political concentration: China versus Russia // IMF Staff Papers. – 2001. – No. 48.

13. **Христенко В.Б.** Межбюджетные отношения и управление региональными финансами. – М.: Дело, 2002.

14. **Ebel R., Yilmaz S.** On the measurement and impact of fiscal decentralization // World Bank Institute Policy Research Working Paper Series. – 2002. – No. 2809.

© Белов А.В., 2008

В издательстве «Наука» (Сибирская издательская фирма РАН)
в 2008 г. выходит в свет монография

РОССИЯ И РОССИЯНЕ В НОВОМ СТОЛЕТИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

Под ред. Т.И. Заславской, З.И. Калугиной, О.Э. Бессоновой.
Объем 50 п.л.

Монография, являющаяся продолжением цикла работ Новосибирской экономико-социологической школы Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, содержит новые теоретические представления и эмпирические референты социетальных сдвигов современного российского общества. В ней представлены оригинальные варианты объяснения российской реальности и обоснования горизонтов развития России с позиции общей теории институциональных трансформаций, адаптации социальных систем, деятельностно-структурной концепции. Дается оценка человеческого потенциала россиян как приоритетного ресурса и основного критерия развития общества; рассматриваются проблемы и результаты «капитализации» человеческого потенциала; выявляются угрозы и риски человеческого развития, связанные с наркотизацией, алкоголизацией, детской безнадзорностью, депривацией и депопуляцией населения; обосновывается новый курс социальной и демографической политики.

Книга адресована научным, деловым, административным кругам, студенчеству и всем интересующимся судьбами России.

Монографию можно приобрести в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН. Для этого необходимо оформить заказ на требуемое количество экземпляров, которые будут высланы наложенным платежом.

Заказы направлять по адресу:
630090 Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН
тел. (383)3300535